

ХЮРТГЕНВАЛЬД – НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПРОРЫВ АМЕРИКАНЦЕВ ВГЛУБЬ ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ 1944 ГОДА

В конце октября 1944 года американская 1-я Армия расположила свой штаб в бельгийском городе Спа/Спа, в прошлом, начиная с 1500-х годов, – процветающий, знаменитый своими минеральными источниками курорт, который когда-то посетил даже Петр Великий. Началось планирование крупной военной операции, окончившейся провалом и повлекшей тяжелые потери...

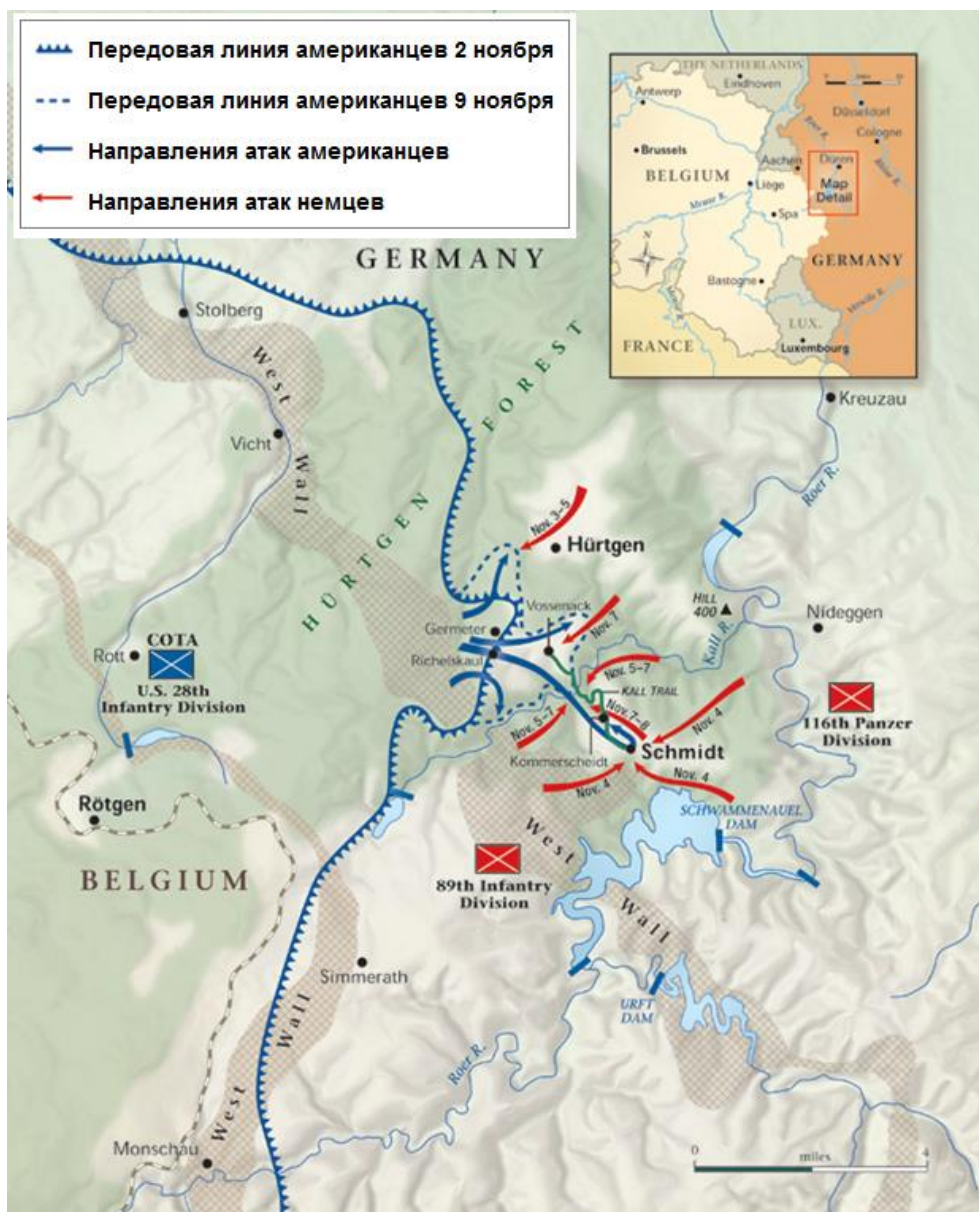
В штабе генерал Ходжеса

Американцы заняли здание казино на улице Рояль (Rue Royal), откуда солдаты вынесли рулеточные колеса и игорные столы и заменили их раскладными полевыми столами и трехуровневыми койками. Штаб Армии также реквизирует для проживания своего персонала расположенный на вершине холма особняк, принадлежавший сталелитейному магнату из Льежа. Бельгийцев иногда приглашали в местную школу посмотреть кино, и солдаты пытались на ломаном французском объяснить зрителям происходящее на экране в фильмах *Gaslight* и *A Guy Named Joe*. Военный корреспондент газеты *New York Times* Дрю Миддлтон (Drew Middleton) писал, что немцы оставили в одном итальянском ресторане запись песни *Lili Marlene*, и теперь *GI* непрерывно крутят ее, убеждая бельгийцев, которым были от нее не в восторге, что «песню взяли в плен...», и ее больше нельзя рассматривать как немецкую.»

Командующий 1-й Армией генерал Бен Ходжес (Ben Hodges, 1887-1966) переместил свой офис в помещение, которое в конце ПМВ занимал сам Гинденбург, чтобы обдумать план дальнейшей кампании в Северной Европе на оставшиеся до следующего года недели. Ходжес был старым солдатом, который прошел путь от записавшегося в армию в 1905 году рядового до генерала. Его 1-я Армия была крупнейшей боевой группой американцев в Европе, но, вероятно, генерал уже не был тем человеком, который был нужен для того, чтобы вести ее дальше в бой. Его одолевали болезни и переутомление, это был «старый человек, играющий в игру по учебникам и слегка запутавшийся в том, о чем идет речь,» - написал о нем наблюдатель из Военного Министерства/War Department. Ему не хватало боевого духа, и даже в официальной истории 1-й Армии можно увидеть комментарии о том, что его последняя кампания «была лишена энергии и изобретательности...» и что среди ведущих американских военачальников он «в наименьшей степени был склонен к стремлению понять логистические проблемы.» «Он довольно медленно принимал важнейшие решения,» - признавал один из штабных офицеров. Генерал редко покидал Спа, чтобы посетить передовую: на протяжении двух месяцев командир одной из его дивизий генерал-майор Лиланд Хоббз (Leland Hobbs, 1892-1966) не видел его ни разу. Авторитарный и немногословный, Ходжес «отказывался обсуждать приказы, не говоря уже о том, чтобы оспаривать их,» - вспоминал позднее один из офицеров. Иногда он настаивал на том, чтобы в сводках сообщали о перемещениях даже отдельных взводов – слишком мелкий уровень детальности для рассмотрения командующим армией, а в своем дневнике жаловался на то, что «слишком многие батальоны и полки стараются обойти противника с фланга и окружить его вместо того, чтобы встретить противника лицом к лицу.» Он верил в то, что «будет безопаснее и эффективнее продолжать фронтальные атаки.» Его фирменной тактикой на поле боя было наступление и прорыв по прямой.

Ворчливый и «застегнутый на все пуговицы», внимательно следивший за малейшими проявлениями нелояльности к нему, Ходжес стабильно демонстрировал нетерпимость к тому, что он лично воспринимал как неудачу. В этом плане он был чрезмерно суров даже по стандартам армии США. Из 13 командиров корпусов и дивизий, снятых с должности в 12-й Армейской Группе в годы ВМВ, 10 были из 1-й Армии. Самым недавним был случай с

генерал-майором Чарлзом Корлеттом (Charles Corlett, 1889-1971) из 19-го Корпуса, который был снят после сдачи немцами Аахена. Ходжес снял его с должности после того, как убитый горем командир 8-й Пехотной Дивизии попросил предоставить ему короткий отпуск в связи с гибелью сына в бою. Форрест Хоуг (Forrest Hogue), работавший над историей 1-й Армии, писал, что один из снятых с должности офицеров был вынужден ловить машину для того, чтобы его отвезли в тыл, «словно уличный бродяга.»

Схематическая карта боев за Хюртгенвальд 2-9 ноября 1944 года

Такой климат в армии способствовал развитию у людей чрезмерной осторожности, подавлял инициативу и энтузиазм, и люди, из которых состоял старший персонал штаба 1-й Армии, еще более усугубляли ситуацию. Это были «агрессивные, обидчивые и нервные» люди, как писал позднее о них генерал [Омар Брэдли](#) (Omar Bradley) после того, как поднялся по служебной лестнице на должность командующего 12-й Армейской Группой, «критически настроенные, злопамятные и не воспринимающие ничью власть, кроме своей собственной.» Примечательно, что Брэдли, в прошлом – подчиненный Ходжеса, продолжал называть его сэр, даже став его начальником...

В рядах штабных офицеров Ходжеса ключевую роль играли три соперничавших офицера: (1) генерал-майор Уильям Кин (William B. Kean), получивший прозвище *Captain Bligh* (*авторитарный британский морской офицер и губернатор австралийских колоний в 1806-1808 годах*), способный и безжалостный начальник штаба, которому Ходжес делегировал значительные полномочия; (2) бригадный генерал Трумэн Торсон (Truman C. Thorson), мрачный человек, заядлый курильщик, носивший клички *Tubby/Толстяк* и *Iago/Яго* (*гамлетовский персонаж, известный своим злобным интриганством – ВК*); и (3) полковник Бенджамин Диксон (Benjamin A. Dickson), превосходный офицер, начальник разведки, артистичный человек с турбулентным характером, носивший кличку *Monk/Монах*. Приметной странностью в восприятии ситуации старшими офицерами 1-й Армии во время подготовки к возобновлению наступления было, как отмечал один из военных корреспондентов, «слегка сердитое удивление» от того, что немцы продолжают сопротивляться, что-то вроде обиды от непонимания противником того, что он уже побит.

Оптимизм Эйзенхауэра и стратегические планы американцев

28 октября 1944 года генерал [Дуайт Эйзенхауэр](#) (Dwight David Eisenhower) вернулся к своему плану победного завершения войны. «Противник продолжает присылать подкрепления в свои войска на Западе, - телеграфировал он своим подчиненным. – Имеющиеся свидетельства говорят о том, что он намеревается оказать максимально упорное сопротивление на *Линии Зигфрида* (*в оригинальном тексте – принятое среди союзников наименование этой линии Западный Рубеж/West Wall – ВК*) в надежде на предотвращение распространения военных действий на немецкую землю.» Порт Антверпен в это время вот-вот должен был пасть в руки канадской 1-й Армии. После этого, говорил Эйзенхауэр, завершающая битва за Европу разделится на три стадии: беспощадное сражение к западу от Рейна, захват плацдармов на его восточном берегу и, наконец, смертельный, кинжальный удар в сердце Германии. Семь союзных армий будут наступать на восток, с севера на юг: 1-я Канадская, 2-я Британская, американские 9-я, 1-я, 3-я и 7-я и 1-я Французская. Промышленные центры Рура и Саара будут главной целью на севере и в центре, Берлин остается важнейшей целью.

После взятия 1-й Армией Аахена и ее прорыва через *Линию Зигфрида* в сопредельном *Штольбергском Корридоре* до Рейна оставалось каких-то 20 миль. Здесь намечался наиболее благоприятный сектор для дальнейшего наступления по сравнению с другими участками. Ходжесу предстояло с помощью 9-й Армии генерал-лейтенанта Уильяма Худа (William Hood) продвинуться еще на 10 миль к долине реки Рур, захватить город Дюрен/Düren на противоположном берегу, а затем продолжить наступление в сторону Кельна и долины Рейна. 7-й Корпус генерала [Джо Коллинза](#) (Joe Collins) вновь должен был занять позиции на острие атаки, но до этого 5-му Корпусу было необходимо зачистить от противника Хюртгенвальд и занять высоты, на которых находился городок Шмидт/Schmidt, предоставив, таким образом, больше пространства для маневра 1-й Армии и устранив угрозу контрудара в правый фланг 7-го Корпуса...

Возвышенность Хюртгенвальд, состоящая из четырех залесенных участков, вытянута на 11 миль в длину и достигает 5 миль в ширину. Многие поколения хозяева этих лесов занимались заготовкой древесины и лесоустройством, оставляя за собой идеально ровные ряды хвойных деревьев. Однако местами лесные чащи разрастались бесконтрольно, особенно вдоль речных русел и в глубоких оврагах, и теперь в них даже в полдень едва проникал свет. «Я никогда не видел столь густых лесов, как в Хюртгене, - вспоминал один американец. – Хуже места для нас и быть не могло.»

Хюртгенвальд был в полосе укреплений *Линии Зигфрида*, начиная с 1939 года. Позднее немецкие инженеры сделали вырубку, расчистив сектора обстрела, построили ДОТы и ДЗОТы, из которых можно было вести перекрестный огонь, уложили тысячи мин на дорогах, тропах и просеках. 9-я Дивизия американцев в конце сентября ощутила на себе, сколько смертельных опасностей таит в себе Хюртгенвальд, когда ее части попытались пересечь возвышенность в рамках первоначальной попытки 7-го Корпуса обойти Аахен с

фланга. Один из полков потратил четыре дня на то, чтобы продвинуться на милю, на еще одну ушло пять дней. К середине октября дивизия еще и не приблизилась к Шмидту, но уже потеряла 4 500 человек убитыми и ранеными, чтобы продвинуться на 3 000 ярдов – по одному человеку за каждые два фута. В двух передовых полках не осталось ни одного батальона, в котором все еще числилось бы больше 300 активных штыков. Живописные леса в полосе боев теперь были иссечены пулеметными очередями или превратились в поля с обгорелыми пнями.

275-я Дивизия немцев, сражавшаяся против 9-й Дивизии американцев, потеряла почти половину из 6 500 человек первоначального состава убитыми, ранеными или взятыми в плен. В качестве подкрепления она получила две роты полицейских из Дюрена, которых прозвали «отцами семейств», поскольку большинству из этих людей было, по меньшей мере, лет 45. Оборонявшиеся строили новые блиндажи, протягивали дополнительные проволочные заграждения, продолжали укладывать мины, в том числе, в неметаллических корпусах. Немецкие офицеры полагали, что вряд ли американцы продолжат атаки через эти места, которые один из немцев назвал «обширной, густозалесенной и лишенной дорог местностью.»

Однако немцы недооценили американское упрямство. Хюртгенвальд свел к минимуму количественное преимущество американцев в бронетехнике, артиллерии, в воздушной мощи и в мобильности, но Ходжес был уверен в том, что прорыв 1-й Армии к Руру будет невозможным без занятия этой возвышенности и захвата Шмидта, из которого будут просматриваться все подходы к реке. Он сравнивал угрозы с правого фланга с угрозой со стороны немцев левому флангу американцев в Аргонском лесу во время наступления генерала Першинга осенью 1918 года. Это неубедительное историческое сравнение (у немцев едва ли было достаточно бронетехники, чтобы создать реальную угрозу) мало кто решился критиковать, в основном, из-за нежелания связываться с Ходжесом. На самом деле, как позднее писал историк Рассел Уайгли (Russell F. Weigley), «наиболее простым путем сделать Хюртген угрозой для американской армии было отправить американцев в атаку вглубь [возвышенности].»

Никто не стал рассматривать возможность обхода возвышенности или ее изоляции, или обхода Шмидта с юга путем отправки 5-го Корпуса вперед через проход между высотами в районе города Моншау в 15 милях южнее Аахена. Старшие офицеры 1-й Армии потратят оставшуюся часть своих жизней на то, чтобы объяснить тактическую логику, которая легла в основу их плана боевых действий. Генерал-майор Торсон позднее жаловался: «Все, что нам оставалось делать, - это сидеть и молить Бога о том, чтобы ничего не случилось... Страшное дело был этот лес... Мы пошли на медведя, и пути назад у нас не было.» Коллинз после войны говорил, что «нам пришлось идти в этот лес, чтобы обезопасить наш правый фланг. Никто не горел энтузиазмом в связи с этим, но какая была альтернатива?... Если бы мы расслабились и дали немцам возможность бродить там, они могли бы ударить мне во фланг.»

К слабому пониманию природных условий этого сектора фронта американским командованием стоит отнести и сильную недооценку гидрографических особенностей территории. В верхнем течении реки Рур находились семь плотин. Пять из семи плотин не оказывали существенного влияния на водный режим бассейна, но за двумя другими – Швамменауэль/Schwammenauel и Урфт/Urft – располагались водохранилища общим объемом до 40 миллиардов галлонов. В начале октября офицер разведотдела 9-й Дивизии предупредил командование о том, что спуск немцами воды из них может «создать грандиозные разрушительные паводковые волны», которые докатятся до территории Голландии. Полковник Диксон (Dickson), шеф разведотдела 1-й Армии, не согласился с этим утверждением. Подъем паводковых запоров или разрушение плотин, с его точки зрения, могло вызвать, «в худшем случае, местные паводки дней на пять.» Никто не предпринял орографический анализ территории, и в тактических планах плотины вообще не упоминались. «Мы не изучили эти специфические черты территории, - позднее признавал Коллинз. – Это была ошибка [нашей] разведки, настоящий провал...»

К концу октября, когда 1-я Армия разворачивалась для перехода в наступление, тревожные сведения о характере реки Рур и ее гидрографических сооружениях начали поступать все в большем объеме. Один из немецких военнопленных рассказал о наличии договоренности о том, что в случае подрыва плотин в верховьях зазвонят колокола в Дюрене. Допрошенный в Спа немецкий инженер, сообщил о том, что вниз по реке может прокатиться настоящая стена воды, а в Аахене в одном из сейфов американский лейтенант нашел планы по подрыву нескольких плотин. Было подсчитано, что 100 миллионов тонн воды могут разлиться по долине реки Рур на протяжении 20 миль, превратив узкое русло в поток шириной в полмили.

5 ноября Ходжес получил секретный меморандум от генерала Симпсона со ссылкой на составленный инженерами отчет под названием *Заключение о Возможностях Использования Водохранилищ Реки Рур в Военных Целях/Summaries of the Military Use of the Roer River Reservoir System*. В нем указывалось, что противник сможет «поддерживать реку Рур в состоянии половодья примерно 10 дней... или сможет вызвать двухдневное половодье катастрофического масштаба.» Наступление с форсированием Рура, таким образом, будет сорвано, десантные суда будут снесены вниз по течению, а находящиеся на восточном берегу войска изолированы и уничтожены. Было очевидно, что ни 1-я Армия, ни 9-я Армия, дислоцированная ниже по течению, не могли рассчитывать на безопасное форсирование Рура, пока плотины не будут захвачены и нейтрализованы. Симпсон рекомендовал Ходжесу немедленную нейтрализацию этой опасности. Фланговая атака в направлении Шмидта со стороны городка Моншау/Monschau на юге могла бы дать возможность захватить плотины Урфт, Швамменауэль и более мелкие сооружения этого типа.

Однако 1-я Армия осталась приверженной своему плану фронтального наступления. В конце октября Ходжес сказал Брэдли о том, что водохранилища Рура заполнены только наполовину, не зная о том, что в настоящий момент уровень воды в них поднимается. Таким образом, в планы американцев захват плотин по-прежнему не входил, при этом считалось, противник сможет разрушить их бомбардировками, если примет соответствующее решение. Позднее Брэдли утверждал, что к середине октября «мы были вполне себе в курсе угрозы, которую они [плотины] собой представляли» и «все устремления», связанные с возобновлением наступления через Хюртгенвальд, были нацелены на захват плотин. Это было неправдой. Вплоть до 7 ноября Ходжес так и не отдал приказ хотя бы начать разработку планов захвата плотин, а в дневнике Брэдли только 4 декабря появилась запись о том, что «принято решение захватить рурские плотины.» К этому времени еще одна фронтальная атака через Хюртгенвальд захлебнулась, и штабные офицеры в Спа теперь уже прибегли просто к ругани. «Черт с ними, с плотинами! / Damn the dams!» - говорили они друг другу снова и снова. Теперь было не до плотин...

Атаковать в наиболее трудном секторе наступления предстояло 28-й Дивизии, которой командовал генерал-майор [Норман Кота](#) (*Norman "Dutch" Cota* – он получил кличку *Dutch/Голландец*, играя в футбольной команде еще в частной школе - ВК). Дивизия еще приходила в себя после сентябрьских боев, в ходе которых к ней вернулось ее прозвище времен ПМВ - *Bloody Bucket (Ведро Крови)*,

Эмблема 28-й Дивизии

28-я Дивизия переходит в наступление – первые успехи

Дивизия восстановила свою численность, но многочисленные новички не имели опыта пехотных боев и находились под командой офицеров и сержантов, набранных в частях ПВО и даже ВВС. Эрнест Хемингуэй, который стал свидетелем прибытия подкреплений в дивизию, с иронией заметил, что «если их пристрелят сразу после того, как они выберутся из грузовиков, это избавит всех от большого количества неприятностей.»

В конце октября части 28-й Дивизии вновь попытались продвинуться через Хюртгенвальд. Солдаты толкали бревна через вдоль пожарозащитных полос в надежде обезвредить таким образом мины, прощупывали землю штыками или кусками проволоки No. 8 (*проволока диаметром сечения 0.16 дюйма – ВК*). Это работало не всегда. После того, как один из солдат наткнулся на своем джипе на мину, лейтенант записал в своем дневнике: «Обрывки его одежды и колесные цепи были найдены в 75 футах над землей, застрявшими в кронах деревьев.»

Время от времени американцы натыкались на трупы погибших солдат 9-й Дивизии. Бахилы поверх башмаков были только у некоторых солдат, остальные, стараясь избежать такой проблемы, как *траншейная стопа*, грели ноги с помощью спиртовых подогревателей (*Sterno blocks – ВК*). Очевидно, обувь этого не выдерживала, и уже вскоре солдаты без колебаний начали снимать обувь с убитых для замены подпорченной. Непогода, проблемы со снабжением, задержки в прибытии еще двух дивизий вынудили командование 1-й Армии отложить наступление в направлении Дюрена до середины ноября. Попытка 21-й Армии перейти в наступление на севере была также остановлена немцами. Ходжес в среду 1 ноября, после ланча вместе с командующим 5-м Корпусом генерал-майором [Леонардом Джероу](#) (Leonard T. Gerow), нанес один из своих редких визитов на командный пункт дивизии. Он проехал 20 миль до городка Ротт/Rott, вошел в местную гостиницу, где генерал Кота разместил свой штаб и выразил свое удовлетворение тем, что 28-я Дивизия находится «в превосходном состоянии и полна желанием наступать.» План боевых действий он оценил как «отличный.» На самом деле, план был провальным. На протяжении двух недель 28-я Дивизия должна была наступать в одиночку на всем 170-мильном участке фронта, занимаемом 1-й и 9-й армиями. При этом немцы прекрасно знали, где части Дивизии *Blutiger Eimer (Ведро Крови по-немецки – ВК)* концентрируются для атаки. Этот «отличный», разработанный *по карте* план наступления был спущен сверху находившимися далеко от фронта штабными офицерами 5-го Корпуса. От генерала Коты требовали разделить силы дивизии и наступать по трем расходящимся направлениям: один полк на север, другой на юго-восток и третий на восток, в направлении Шмидта. Сомнения Коты были отвергнуты несмотря на его уверенность в том, что эта атака имеет шанс на успех не больше, чем при игре в рулетку. Тем временем в лесу был установлен знак со следующими словами: «Передовая в ста ярдах. Слезай [с машины] и в бой.»

В 9 утра 2 ноября, холодным и туманным утром, *G/* повыпрыгивали из своих стрелковых ячеек. Этому предшествовал артолет на немецкие позиции – всего было выпущено 11 000 снарядов. Тем не менее пулеметный огонь из ДОТов, обрушившийся на правый фланг дивизии, немедленно начал скашивать солдат и офицеров 11-го Пехотного Полка «поодиночке, группами и взводами», как об этом свидетельствует официальная история дивизии. К концу дня дивизия не продвинулась ни на ярд, а к концу недели этот полк уже не представлял из себя «эффективную боевую группу.»

Вспоминает лейтенант 272-й (Volksgrenadier) Народно-Гренадерской Дивизии Гюнтер Шмидт (Günther Schmidt):

Сидя в ДОТах, люди могли отдохнуть от траншей, но, главным образом, так они были в безопасности от летящих в нас снарядов. Наши тяжелые пушки и минометы хорошо пристреляли все пространство напротив наших позиций. Большинство ДОТов были соединены телефонной связью, провода были закопаны глубоко в землю. Кроме того, у

передовых наблюдателей были радиостанции... Наши собственные потери в первые две недели были около 15%, в основном, от огня артиллерии.

2 ноября 1944 года. Солдаты 28-й Пехотной Дивизии продвигаются через Хюртгенвальд. Впереди продолжительные, кровопролитные и безуспешные бои...

109-й Полк на левом фланге едва ли добился намного большего. Немецкие саперы усеяли минами заболоченную низину, которую пересекала дорога, ведущая от деревни Герметера/Germeter к деревне Хюртген. Полк не успел продвинуться и на 300 ярдов, когда первый солдат наступил на мину. За первым взрывом последовали другие, полк нес потери. Через 36 часов полк вбил узкий клин глубиной в одну милю во вражеские позиции, однако немцы просочились через позиции американцев на такую же глубину... Тем временем неожиданный успех сопутствовал американцам в центре сектора. Один из батальонов 112-го Полка был прижат к земле вражеским огнем близ деревни Рихельскауль/Richelskaul, но 7 танков *Шерман/Sherman*, за которыми прямо по гусеничным следам, чтобы избежать мин, шла пехота, сумели спуститься по залесенному склону вниз от деревни Герметер. Танки обстреляли и разрушили колокольню церкви городка Фоссенак на тот случай, если на ней укрываются снайперы, после чего двумястами фосфорными снарядами подожгли городок. Фоссенак находился в седловине, через которую просматривался Шмидт, расположенный в двух милях юго-восточнее. Пять *Шерманов* увязли в грязи, подорвались на минах или были подбиты из *панцерфаустов*, но еще до полудня горящий Фоссенак был захвачен американцами.

На рассвете 3 ноября, в пятницу, атака возобновилась. Склон от Фоссенака уходил вниз в тенистую узкую долину реки Калль/Kall – притока Рура. Колонна из двух батальонов американцев спустилась по проселочной дороге к реке и переправилась чрез Калль близ старинной лесопилки. Американцы продолжили наступление в направлении городка Коммершайдт/Kommersheidt, расположенного на высотах на левобережье Калля. 3-й Батальон американцев в 02.30 после полудня обрушился на ничего не подозревавший гарнизон Шмидта. Городок был взят, и с крыш его домов американцы уже могли разглядеть всю возвышенность и расположенную в двух милях восточнее долину реки Рур вместе с водохранилищем Швамменауэль/Schwammenael, расположенным в одной миле к югу. Поздравления в связи с этим достижением начали поступать в штаб Коты от дивизионных и корпусных командиров. Сам генерал Ходжес выразил свое «глубокое удовлетворение.»

Фельдмаршал Модель наносит ответный удар

Тревожные новости из Шмидта достигли [фельдмаршала Моделя](#) во второй половине того же дня в замке Шлендерхан/Schlenderhan, расположенном к западу от Кельна примерно в 25 милях от участка боев. Так случилось, что Модель только что приступил к штабным учениям со своими старшими офицерами, разыгрывая атаку американцев в районе Хюртгенвальда. Из полученных отрывистых сообщений стало ясно, что сильная атака на

позиции немецкого 74-го Корпуса угрожает захватом противником плотин через Рур, которые производят большую часть электроэнергии для территорий к западу от Рейна.

Модель незамедлительно приказал командиру корпуса вернуться на командный пункт, но другие старшие офицеры, включая двух командующих армиями, получили инструкцию продолжить штабную игру, используя сообщения с передовой для управления войсками. Низкая облачность и туман в течение последних двух дней препятствовали использованию союзниками их грозных истребителей-бомбардировщиков, и, при удачном для немцев стечении обстоятельств, они могли бы быстро перебросить подкрепления по хорошим дорогам, пересекающим долину Рура. В бой с американцами предстояло вступить 116-й Танковой Дивизии, которая в прошлом сражалась в Югославии и на юге России и дошла почти до Каспия до того, как повоевала и на Западном фронте, в частности, в Фалезском сражении и в районе Аахена. Разведывательный батальон дивизии уже мчался в сторону Шмидта, за ним следовали основные силы дивизии и части 89-й Пехотной Дивизии немцев.

Три роты американских пехотинцев и пулеметный взвод из 112-го Полка заняли оборонительные позиции в районе Шмидта, не имея понятия о том, какое внимание уделили им старшие офицеры Вермахта. Их нервировали огонь снайперов и стога сена, которые, казалось, передвигались по склону холма напротив них под светом луны. Обессиленный после пятничного марша через долину реки Калль в тяжелых шинелях и с полной выкладкой, 3-й батальон не побеспокоился об отправке вперед выдвинутых патрулей и ограничился укладкой перед своими позициями 60 противотанковых мин, доставленных ночью на гусеничных транспортерах *M29 Weasel*. Американцы даже не побеспокоились о том, чтобы закопать или замаскировать мины... Никто не считал вероятной атаку немецкой бронетехники в условиях господства союзной авиации в воздухе и с учетом тех потерь, которые понесли танковые части немцев за истекшие два месяца. Не зная об угрозе, нависшей над его людьми, генерал Кота остался в Ротте. Он не появится на линии фронта на протяжении еще трех дней. Он уже бросил в бой свой единственный резерв на поддержку оказавшемуся под ударами противника 11-му Полку на юге и потерял контроль над ходом событий.

Непосредственно перед восходом солнца, в субботу 4-го ноября, немецкая артиллерия начала обстрел Шмидта с трех направлений. Сквозь рассветную мглу *G/* разглядели длинную колонну *Пантер/Panther* и танков *Pz.IV*, надвигавшихся на них с северо-востока и с легкостью объезжавших бесполезные мины. На ячейки пехотинцев обрушился пулеметный огонь, танки начали методично разрушать огнем своих пушек дом за домом. Позиции минометчиков были смяты, снаряды базук отскакивали от танковой брони. Немецкие пехотинцы атаковали Шмидт с юга, запада и востока, при этом некоторые из них колотили по своим котелкам.

В 08.30 взвод американцев, занимавший позиции к югу от городка, в панике бросил их. Уже вскоре весь батальон бежал с поля боя. Роты *I*, *K* и *L* стали продирались через сады, по воспоминаниям одного лейтенанта, рассеиваясь и раздирая одежду. Офицеры орали на солдат, хватая их за воротники, стараясь остановить бегство, но сотни солдат выскочили на дорогу, ведущую к Коммершайдту, оставляя убитых и раненых. Около двух сотен из них ринулись в неверном направлении – на юго-запад, в сторону немецких позиций – и из них только трое смогли избежать гибели и плена. К 10 утра Шмидт был снова под контролем немцев.

Прошло несколько часов, прежде чем известия о событиях в Шмидте достигли командного пункта в Ротте. Авиация союзников была прижата непогодой к земле уже третий день подряд, и разведка американцев постепенно поняла, что наблюдатели противника, расположившиеся на *Высоте 400/Hill 400* всего в двух милях к северу от Шмидта, могут разглядеть в свою оптику даже кролика, бегущего по лугам слева и справа от реки Калль. Действия американцев стали приобретать хаотичный характер. Танковой роте, брошенной на поддержку пехоте, отражающей атаки немцев на этот городок со стороны Шмидта, удалось перебросить через Калль, используя лебедки, всего три *Шермана*. Еще пять

танков так и остались на дороге, раз за разом теряя гусеницы при прохождении через острые изгибы, которые имели в ширину всего девять футов – ровно столько, сколько сами танки. После наступления темноты, под проливным дождем саперы вышли на дорогу с лопатами и кайлами, потом им на помощь пришел бульдозер, но даже транспортерам *Wease/* приходилось тяжело. При прохождении через изгибы их прицепы с боеприпасами приходилось отцеплять и вручную проталкивать вперед...

Находившийся на командном пункте в Ротте генерал Кота не имел точной информации. К нему приходили противоречивые радиосообщения, и он не мог понять, открыта ли дорога через Калль. В конце концов, саперы взорвали с помощью трофейных немецких мин скалистый выступ, блокирующий изгиб дороги над мостом через русло реки, однако танкисты никуда не торопились, и отставшие танки переправились по мосту только в 02.30 утра 5 ноября, в воскресенье.

Обеспокоенный происходящим генерал Джероу, командующий 5-м Корпусом, приехал в Ротт несколькими часами позднее, отчитал генерала Коту, уехал, но вскоре вернулся с Ходжесом и Коллинзом. Ходжес также набросился на Коту, но потом сурово отругал и Джероу, как позднее вспоминал Коллинз: «Жестче, чем когда-либо в прошлом.» Кота сочинил приказ, который мог и не попасть в 112-й Полк: «Принципиально важно незамедлительно взять под контроль город Шмидт... Действуйте.» Если бы генералы имели представление о том, что происходит на поле боя, захват Шмидта стал бы последним из приоритетов, поскольку в тот момент противник теснил 28-ю Дивизию с трех сторон, фактически, угрожая ей полным уничтожением.

Всего через реку Калль перебрались 9 *Шерманов* и 9 истребителей танков, чтобы поддержать остатки двух пехотных батальонов, все еще оборонявших Коммершайдт. Уже вскоре все иллюзии о том, что пока еще есть, куда отступить, исчезли. Вечером в воскресенье разведывательные подразделения 116-й Танковой Дивизии немцев спустились к руслу реки Калль, оставив за собой старинную лесопилку. Американские саперы поспешно бежали в тыл, в то время как немцы заминировали узкие изгибы дороги, оставили заслоны и засады и отрезали к востоку от реки более 1 000 *Gl...*

В понедельник, на рассвете, бедственное положение, в котором оказались американцы, стало очевидным. Огонь немецких танков вывел из строя еще три *Шермана* и шесть истребителей танков. Американские солдаты не могли выбраться из своих залитых дождевой водой стрелковых ячеек, которые уже не называли иначе чем *артезианские колодцы*, и им приходилось опрашивать в пустые консервные банки, оставшиеся от их *Су-рационов/C-rations*. Немецкие наблюдатели, расположившиеся на *Высоте 400*, навели по 20 артиллерийских выстрелов или больше на каждую позицию американцев, корректируя стрельбу буквально от одного окопа к другому.

Резервный батальон из состава 110-го Полка, солдатам которого в Фоссенаке приказали собраться в кучу и прижаться друг к другу примерно так, как это делает *домашний скот в штормовую погоду*, по словам одного из переживших это, попал под длившийся 30 минут артобстрел. Людей убивало повсюду, «и слева, и справа... каждый пытался перепрыгнуть через чье-то истекающее кровью тело, чтобы [удраться] и найти укрытие.» Одна из рот потеряла 41 человека из 127, другая – 75 из 140... Осмотрев тяжелораненого солдата, санитар 28-й Дивизии написал в рапорте, что «это было похоже на погружение руки в ведро с сырой печенкой.» Множество ранений в голову даже вызвало к жизни дебаты вопрос о том, уж не целятся ли немецкие снайперы в эмблему – красное ведро – на касках.

Кризис тем временем развивался. В то время как два других батальона сражались в окружении в Коммершайде, 2-й Батальон 112-го Полка, находясь на открытом пространстве к западу от реки Калль, после четырех ночей непрерывных смертоносных артобстрелов полностью потерял боевой дух. Рота *G* бросилась бежать в тыл через Фоссенак, и паника охватила всю часть. Как докладывал один из офицеров, «люди

расталкивали друг друга, бросали снаряжение, пытались удрать от снарядов противника и обогнать один другого.» Люди бежали вверх по склону на вершину гряды, откуда они начинали наступление четыремя днями раньше. Один лейтенант вспоминал, что «множество тяжелораненых людей, вероятно, сраженных огнем артиллерии, осталось на дороге там, где они пали, вопя и умоляя о помощи.»

Офицерам удалось собрать около 70 наиболее стойких бойцов близ разрушенной фоссенакской церкви. При этом никто еще не видел ни одного немца в самой деревне. Кроме того, из Герметера прибыли четыре танковых взвода. Генерал Кота приказал двум ротам дорожников из 146-го Саперного Полка заступить на позиции в качестве стрелков. Всю ночь саперы перестреливались с просочившимися в городок немцами близ церкви. Был момент, когда немцы заняли то, что осталось от башни, и подвал, в то время как G/ удерживали холл. Во вторник утром, 7 ноября, саперы помогли пехотинцам отбить атаку бронепехоты, удержав большую часть городка за исключением его восточном окраины, которую прозвали *Кучей Щебня/Rubble Pile*. Немцы после этого продержатся там еще целый месяц. 2-й Батальон 112-го Полка после описанных событий более не рассматривался в качестве боевой части.

В журнале боевых действий 28-й Дивизии текущая ситуация была охарактеризована как «от плохой к худшей.» Отряд из 400 человек, посланный на помощь сражающимся в Коммершайдте, пробился к ним в воскресенье вдоль одной из пожарозащитных полос, но ни один из сопровождавших их танков или истребителей танков так и не смог прорваться через заслоны немцев на дорогах. Артиллерия и минометы немцев продолжали обстреливать Коммершайдт и ночью. Во вторник утром под мокрым снегом 15 единиц немецкой бронетехники и два батальона пехоты возобновили атаки. К полудню американцы откатились к окопам, вырытым на восточном берегу реки Калль, и Коммершайдт был оставлен...

Американцы отступают

Кота позвонил Джероу и предложил отвести остатки своих батальонов на новую линию обороны, расположенную западнее долины реки Калль. Незадолго до полуночи во вторник Джероу утвердил отвод войск и также сообщил, что Ходжес «крайне разочарован.». К 3 часам дня в среду приказ об отходе достиг передовой. Солдаты принялись сооружать носилки для раненых из веток и шинелей, портить снаряжение и технику: они разбивали рации, миноискатели, моторы еще целых джипов. Были выведены из строя три противотанковых пушки, единственный исправный *Шерман* был заминирован... Солдаты выбрасывали свои котелки и все, что могло греметь в лесу. Дошло до того, что их старший офицер по ошибке выбросил свой компас, а саперы бросили две тонны взрывчатки, которую они в прошлом собирались использовать для подрыва ДОТов в Шмидте.

Наступила ночь. Артиллерия американцев обрушилась на Коммершайдт, стараясь создать шумовое прикрытие для отходящих частей. Две колонны американцев спустились в долину Калля и в полной темноте, люди, словно слепые, ушли, держась одной рукой за плечо идущего впереди. Вскоре порядок нарушился, и люди стали перебираться через русло реки небольшими группами или поодиночке. Из более 2 000 солдат, вступивший в бой к востоку от реки, вернулось не более 300. Немецкие солдаты, находившиеся в пикетах, давали некоторым раненым американцам уйти к своим, других задержали на два дня рядом с бревенчатым блиндажом у самого русла реки, после чего было достигнуто соглашение о кратковременном прекращении огня, во время которого остававшиеся в живых были эвакуированы. Умерших складывали в штабеля и укрывали хвойными ветками, похоронным командам немцы также дали возможность вынести их.

Перемире – эвакуация раненых. Картина художника Дона Стайверса (Don Stivers, 1926 - 2009)

Эйзенхауэр и Брэдли приехали в Ротт в среду утром, обеспокоенные рапортами о провале наступления. В штабе дивизии главнокомандующий выслушал объяснения Коты и пожал плечами: «Что ж, *Датч*, похоже, у тебя нос в крови.» Ходжес и Джероу прибыли через несколько минут, и, после совещания и отъезда Эйзенхауэра, Ходжес еще раз отчитал Коту. Насколько правильным был выбор направлений атак для полков дивизии? Хорошо ли они окопались? Если последнее верно, «их потери даже под сильным огнем немцев не были бы столь высоки, и [захваченные] позиции не пришлось бы уступать.» Ходжес отметил, что во время сражения штаб дивизии, по-видимому, не имел «точного представления о местонахождении своих войск и не делал ничего, чтобы выяснить это.» Командующий 1-й Армией дал понять Коте, что он «в крайней степени разочарован.» Перед отъездом обратно в Спа, Ходжес сказал Джероу, что, «возможно, произойдут некоторые кадровые перемещения.»

Похолодало еще сильнее. Мокрый снег превратился в снегопад, пришла первая метель. Обозленные *G1* начали громить немецкие дома, разбивая фарфор и вышвыривая мебель на улицы. «Я наказал целый полк этих прекрасных парней, - сказал репортеру Айрису Карпентеру (Iris Carpenter) убитый этим офицер. – Честно скажу вам, больше я не мог это терпеть.»

Выжившие в мясорубке у реки Калль были выведены в тыловой городок Рётген/Rötgen, где были размещены в палатках с устланными соломой полами и кучами шерстяных одеял. Санитары раздали им рационы спиртного, по собственному желанию предоставленного офицерами тыловых частей. Добровольцы из Красного Креста кормили солдат блинами и поили пивом, для них играл дивизионный оркестр. «Кормят хорошо, сынок?» - спросил посетивший лагерь офицер одного из солдат, который ответил, даже не взглянув в его сторону: «Какого ... вас это волнует? Вы-то свое получаете, разве нет?»

9 ноября, в четверг, 28-я Дивизия приступила к укладке оборонительных минных полей. Всего около 5 000 мин было уложено по периферии небольшого выступа, удерживаемого американцами в Хюртгенвальде. Патрули продолжали искать пропавших без вести в искореженных взрывами и иссеченных осколками лесах. Потери, которая понесла эта часть за неделю боев, оказались на уровне максимальных для наступающих дивизий армии США за всю ВМВ. Количество убитых и раненых превысило 6 000 человек, и *ведро крови* оказалось полнее, чем когда-либо: один из батальонов 110-го Полка теперь имел в строю всего 57 человек даже после получения подкреплений, а 112-й Полк уменьшился в численности от 2 200 человек до 300.

Прошло всего шесть месяцев после героической высадки на плацдарм *Омаха Бич* и боев под Сен-Ло/St. Lô, и генерал Кота вместо репутации *льва* приобрел репутацию побитого генерала, находившегося на грани снятия с должности. Ему было разрешено сохранить за собой командную должность, в частности, из-за того, что дивизия потеряла в боях настолько много офицеров, что пехотными батальонами командовали четыре майора и один капитан.

В середине ноября в Хюртген прибыла 8-я Дивизия, чтобы сменить 28-ю, которую перебрасывали в спокойный сектор фронта в Арденнах для отдыха и восстановления сил. Кота обратился к своим солдатам и офицерам с поднимающим боевой настрой посланием, которое заканчивалось следующими словами: «Салютуй, Маршируй, Стреляй, Подчиняйся Приказам!»

Потери немцев за неделю составили около 3 000 человек. Они продолжали удерживать Хюртгенвальд, и последующие атаки 4-й и 8-й дивизий американцев, стоившие им больших потерь, не принесли желаемого результата. Потери последних были таковы, что некоторые батальоны упали в численности до рот, роты – до взводов.

Рейнджеры против парашютистов – прелюдия

В своей книге *The Mighty Endeavor* Чарлз Макдоналд (Charles MacDonald) охарактеризовал бои в Хюртгенвальде как «повторное сражение в краю живых изгородей, только на этот раз под ледяным дождем и снегом, среди паводков, ДОТов и густых лесов, словно пришедших из страшных немецких народных сказок. Это было Аргонское сражение Второй Мировой войны.» Военный корреспондент и знаменитый писатель Эрнест Хемингуэй был более лаконичен: «Это Пашендаль (*кровопролитное сражение ПМВ – ВК*) с побитыми деревьями.»

5 декабря американский солдат, находившийся на марше через Хюртгенвальд, записал: «Дорога к передовой была прямой и топкой. Она пролегла между торчащими из земли елями со снесенными кронами, и джипы, идущие в тыл, везли тех, кто еще был жив... Кто-то из них сидел или лежал сзади, кто-то сидел на капоте, настолько переполненными были машины. Белые бинты второпях сделанных повязок были видны издали... Еще там были парни, лежавшие на носилках, закрепленных [вдоль машины] от переднего сидения до заднего, да и на радиаторах. Их коричневые одеяла были подтянуты до подбородков. Над нами было серое небо...»

Господствующую на Хюртгенвальдом, залесенную и ограниченную довольно крутыми склонами вершину Бургберг/Burgberg, расположенную близ городка Бергштайн/Bergstein, американцы называли *Высота 400/Hill 400* (*из-за близости ее абсолютной высоты к 400 м, на самом деле, примерно 393 м – ВК*). С этой высоты немцы без проблем отслеживали перемещения американцев, корректировали артиллерийский огонь и направления контратак. Ни одна американская машина, боевая, грузовая или легковая, не оставалась незамеченной немецкими наблюдателями. Это был опорный пункт обороны гитлеровцев. Захват *Высоты 400* предоставил бы американцам превосходный обзор долины реки Рур/Roer – следующей цели союзников после Хюртгенвальда.

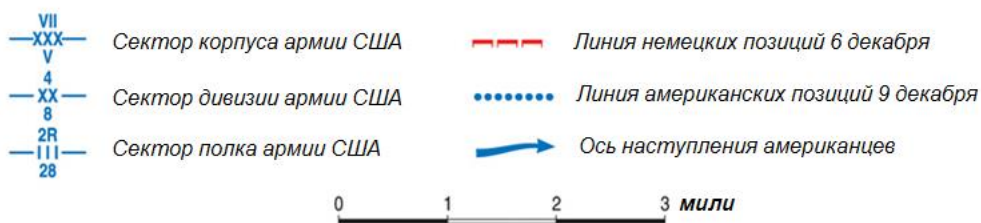
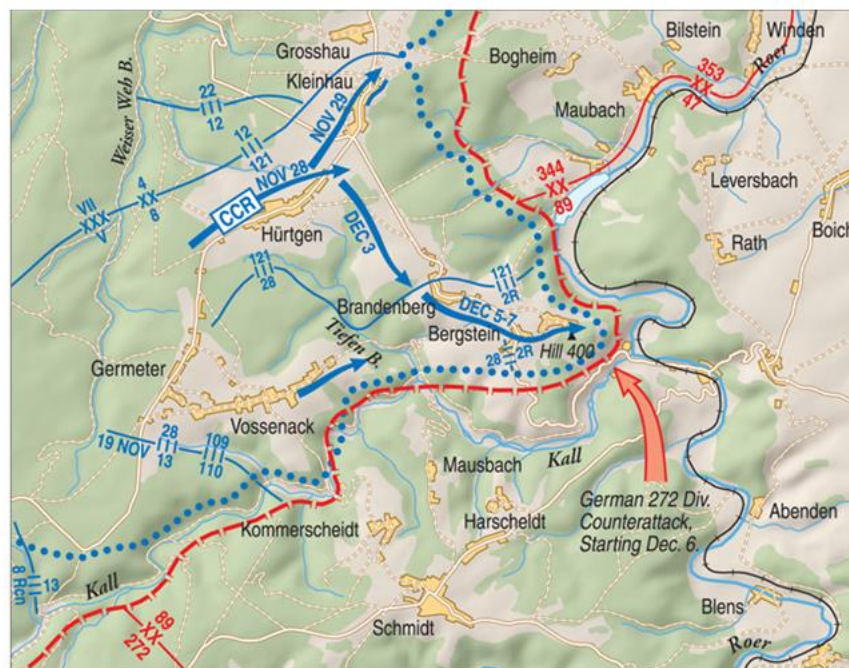
Солдат американской 4-й Пехотной Дивизии помогает товарищу подняться вверх по скользкому склону...

Рейнджеры прибывают в Хюртгенвальд

Солдаты из 2-го Батальона Рейнджеров, в прошлом участвовали в первой волне десанта на пляжи Омаха и Юта в Нормандии, некоторые из них штурмовали скалистые клифы мыса *Пуэнт-дю-Ок/Pointe du Hoc*. Они были переданы в подчинение 7-му Корпусу и приняли участие в наступлении вглубь полуострова Бретань. Батальон принимал участие в захвате порта Брест, а позднее, после двухмесячного перерыва, рейнджеры подключился к атакам на *Линию Зигфрида*. 14 ноября батальон вместе с 28-й Дивизией выдвинулся на передовую линию. На этот момент в его составе находились 485 солдат и 27 офицеров.

Генерал Норман Кота, командующий 28-й Дивизией, который лично видел рейнджеров в бою на пляже Омаха, использовал их в качестве замены для своих солдат на передовой. Лейтенант Боб Эдлин (Bob Edlin) из *Роты А* довел свой взвод через снег и грязь, в которой ноги утопали по щиколотку, до деревни Гереметер. Там рейнджеры встретились с пехотинцами из 112-го Полка. Эдлин вспоминал: «Пехотинцы, которые там оказались, уже почти бегом отступали, уходили просто для того, чтобы убраться оттуда. Я натолкнулся на приятеля из той части, капитана Престона Джексона (Preston Jackson), который сказал: «Боб, это самое сучье место из всех, которые тебе довелось увидеть. Не хотел бы я, чтобы ты там оказался.»»

Когда рейнджеры добрались до передовой, они немедленно попали под артобстрел. «Неожиданно начался артоналет. Это был настоящий ад... Просто снаряд падал за снарядом, разрываясь и снося все, колошматя тебя по голове, пока ты не начинал думать о том, что выдержать это невозможно,» - вспоминал Эдлин. Но самым шокирующим было не это. Капитан Саломон (Salomon) записал то, о чем говорили его солдаты: «Рейнджеры из *Роты В (Baker)* были потрясены, увидев пехотное снаряжение, одежду и даже оружие, брошенные солдатами из [пехотной] дивизии, ранее удерживавшей здесь позиции. Холодная погода и непрерывный дождь не оказали позитивного воздействия на боевой дух необстрелянных американских солдат.»

*Карта боевых действий в Хюртгенвальде в конце ноября-начале декабря 1944 года.
Высота 400 - справа от центра.*

Еще больше потрясло рейнджеров то, что пехотный полк оставил на передовой раненых. Фрэнк Саут (Frank South), санитар 2-го Батальона, вспоминал о том, как столкнулся с этим: «Мы пришли туда, где раньше находилось укрытие для немецких солдат, на перекрестке дорог близ Фоссенака/Vossenach. Когда мы вошли в него, мы были шокированы, увидев там нескольких раненых американцев. Кроме того, что они побросали снаряжение и припасы, 112-й Полк бросил некоторых из своих раненых [товарищей] в том поспешном отступлении. Само собой, мы занялись их ранами и немедленно эвакуировали их...»

Рейнджеры приступили к патрулированию и укрепили свои стрелковые ячейки бревнами. По счастью, прямое вмешательство главнокомандующего силами союзников генерала Дуайта Эйзенхауэра, помогло рейнджерам лучше подготовиться к низким температурам, чем большинству пехотинцев в районе Хюртгенвальда. Вот что писал по этому поводу Боб Эдлин: «Когда мы находились на привале, нас посетил генерал Эйзенхауэр. Вокруг него собрался весь батальон, и он просто напрямую спросил, кто может объяснить ему, почему еще на раздали новые башмаки с гетрами (*boot packs – BK*). Один из парней выкрикнул: «Черт, генерал, да в штабе они есть у каждого», что было правдой. У каждого, служившего в армейском, корпусном и дивизионном штабах, были башмаки с гетрами, парки и теплая одежда. Это снаряжение никогда не доходило до передовой. Мы все еще были в летней форме, а температура была тридцать с небольшим (*по Фаренгейту – то есть ниже нуля по Цельсию – BK*). Генерал Эйзенхауэр сказал, что об этом побеспокоятся, и, *упокой, Господь, его душу*, это произошло. Через несколько дней мы получили башмаки с гетрами и даже ручные часы. Должно быть, он прошерстил все долбаные штабы, чтобы получить достаточно [снаряжения] для одного батальона рейнджеров.»

Рейнджеры переходят в подчинение 5-му Корпусу

Ближе к концу ноября 28-ю Дивизию на передовой сменила 8-я Пехотная Дивизия 5-го Корпуса. Рейнджеры остались на прежних позициях и перешли в подчинение 5-му Корпусу. После прихода 8-й Дивизии, роты *C*, *D*, *E* и *F* батальона рейнджеров отодвинулся на небольшое расстояние от передовой. Роты *A* и *B* остались на тех же позициях на крайне правом фланге 121-го Пехотного Полка дивизии.

Лейтенант Джеймс Айкнер (James Eikner), офицер, ответственный за связь со штабом [батальона], рассказал о том, что чувствовали солдаты: «Мы были частью специального назначения, все – добровольцы. Наше размещение на оборонительных позициях означало, что наши навыки и возможности толком не используются. Просто сидишь в этих стрелковых ячейках, и все. Мы были сильно разочарованы этим.»

Американская бронетехника поднимается по вверх по склону по скользкой дороге где-то в Хюртгенвальде...

Все три участвовавшие в боях американские дивизии, 9-я, 28-я и 8-я, безуспешно пытались взять *Высоту 400*. Боевая группа 5-й Танковой Дивизии попыталась сделать это в первую неделю декабря. Несмотря на наличие танковой поддержки, пехотные подразделения этой дивизии также потерпели неудачу. В ходе ожесточенных, переходящих в рукопашные бои были потеряны десятки танков. 47-й Батальон Бронепехоты едва удержал свои позиции в городке Бергштайн время контратаки немцев и более уже не был в состоянии принять участие в следующей атаке на *Высоту 400*.

Одним из выживших в этом бою за Бергштайн 6 декабря был унтер-офицер 14-й Роты 980-го Пехотного Полка немцев Ханс Вегенер (Hans Wegener). Он был в составе 3-го Взвода под командованием фельдфебеля Брокманна. Вегенер вступил в бой вместе с 39 солдатами из противотанкового взвода, вооруженными *панцерфаустами* и *панцершреками*. Он вспоминал, что после выхода на передовую на *Высоте 400* огонь американцев изначально был слабым, но затем усилился:

Это был ад. Танк против танка, рукопашный бой, танки стали гореть... Фельдфебель Брокманн выстрелил в Шерман из панцерфауста, но снаряд упал где-то на полпути. Он был немедленно убит огнем с танка... Стоял грохот – это были дуэли между людьми с панцерфаустами и танками... Танки горели и взрывались, люди падали... Мои парни подбили Шерман, который загорелся. Один из танкистов вывалился из него и побрел вдоль горячей машины. Я закричал: «Не стрелять! Он беззащитен!» Затем я приказал

кому-то оттащить парня в безопасное место, пока танк не взорвался. Его поднесли ко мне, и оказалось, что он даже не ранен, хотя и не видел ничего...

У нас осталось слишком мало сил, чтобы отбить город, так что пришлось отступить...

Рейнджеры готовятся к атаке на Высоту 400

Генерал Уолтер Уивер (Walter Weaver), командующий 8-й Дивизией, обратился к командующему 5-м Корпусом генералу Леонарду Джероу с просьбой передать ему рейнджеров для усиления атакующей мощи бронетанковой группы, дислоцированной в Бергштайне, и последующего их участия в новой атаке на *Высоту 400*. Джероу, после получения одобрения от генерала Ходжеса вывел 2-й Батальон рейнджеров из подчинения 5-му Корпусу и перебросил их ближе к *Высоте 400*. Затем Уивер бросил рейнджеров в самостоятельную атаку на высоту, чтобы приберечь силы своей дивизии и дать рейнджерам возможность проявить себя.

В тот же день подполковник Джеймс Раддер (James Rudder), командир батальона, был переведен в 109-й Полк 28-й Дивизии. Капитан Джордж Уильямс (George Williams), начальник штаба батальона/заместитель командира (executive officer), и капитан Харви Кук (Harvey Cook), начальник разведки батальона, были вызваны в штаб 8-й Дивизии и ознакомлены с боевой задачей. Им предстояло сменить части резерва командования 5-й Танковой Дивизии, дислоцированные за пределами городка, и взять *Высоту 400*. Капитан Вильямс, повышенный в звании до майора, принял на себя командование операцией... Майор Вильямс вернулся в район сбора своего батальона в 21.30. Тем временем грузовики перебрасывали рейнджеров в направлении города Кляйнхау/Kleinhau. По дороге грузовики разбрелись по разным дорогам и «у нас заняло черт знает сколько времени собрать их вместе,» - вспоминал Уильямс. Из Кляйнхау роты начали пеший марш в Бергштайн. Незадолго до начала марша подполковник Раддер поспешно покинул штаб 1-й Армии, чтобы оказать Уильямсу максимальную помощь. Тем временем Уильямс направился в Бранденберг.

Рейнджеры маршировали в темноте по раскисшей и топкой дороге, промерзая до костей. Они старались добраться до Бергштайна до рассвета. Майор Уильямс связался с полковником Гленом Эндерсоном (Glen Anderson), командующим резервом. Эндерсон описал трудности, с которыми его часть столкнулась в районе Бергштайна, и объяснил, как найти командный пункт роты бронепехоты, дислоцированной в городе.

Капитан Хэролд Слэйтер (Harold K. Slater) направился на западную окраину города, чтобы вступить в контакт с находившимися там частями 5-й Танковой Дивизии. К этому времени в город прибыли роты *A*, *B* и *C*. Они прошли через город без остановки, чтобы занять оборонительные позиции к западу и югу от Бергштайна. До их прибытия эти оставленные предшественниками позиции оставались незанятыми: солдаты и офицеры 5-й Танковой Дивизии сидели, попятившись в подвалах. По счастью, в составе рейнджеров были трое лейтенантов, действовавших в качестве офицеров связи авангарда. Они получили нужную информацию о расположении позиций противника на командном посту танкистов. Эти офицеры помогли батальону занять необходимые позиции к 03.00. Три роты окопались на краю леса у подножия *Высоты 400*. Между 03.00 и 05.00 в Бергштайн прибыли также роты *D*, *E* и *F*.

План атаки подполковника Раддера

Раддер разработал план атаки. Ротам *D* и *F* предстояло атаковать непосредственно *Высоту 400*, тогда как ротам *A*, *B* и *C* – захватить соседние гряды, создать заслоны на дорогах и поддержать атакующих минометным огнем. Рота *E* и танки оставались в Бергштайне в качестве резерва и на случай контратаки немцев. Небольшая группа

разведчиков из рот *D* и *F* провела рекогносцировку подходов к высоте. Патруль из состава Роты *D* возглавил лейтенант Ломелл (Lomell). Он вспоминал: «Патруль был нацелен на рекогносцировку ДОТов, блиндажей и [оборонительных] позиций. Я вышел в путь в 03.30 и вернулся на командный пункт батальона в 06.00.»

Солдаты 2-го Батальона продвигаются по раскисшей дороге в направлении Высоты 400...

Штаб ознакомился с данными разведчиков и передал их в атакующие роты. План по-прежнему подразумевал нахождение Роты *E* в резерве, в то время как роты *D* и *F* были собраны близ церкви и кладбища в дорожной выемке, идущей параллельно подножию *Высоты 400*. Атака была назначена на 07.30 утра. Уильямс запросил начало артподготовки на минуты, непосредственно предшествующие восходу солнца...

Атака начинается

На рассвете Уильямс бросил две роты в атаку через открытую местность в направлении вершины. Еще одна рота прикрывала атакующих огнем.

Немцы из 272-й Народно-Гренадерской Дивизии, несмотря на артиллерийский огонь американцев, оперативно заняли свои оборонительные позиции. Сид Саломон (Syd Salomon), командир Роты *B*, наблюдал за реакцией немцев: «Обороняющиеся были немедленно приведены в боевую готовность. В небо с вражеского передового [наблюдательного] поста взлетела красная ракета. Сразу вслед за этим на атакующих рейнджеров обрушился интенсивный ружейно-пулеметный огонь. Обе стороны несли потери... Противник оказывал упорное сопротивление.» По рейнджерам, продвигавшимся вверх по склону, открыли огонь в упор четыре пулемета. В бой вступил наблюдательный пункт немцев, направляя и корректируя точный артиллерийский и минометный огонь. Вот что написал Уильямс в своем рапорте, написанном после боя: «Немцы вели огонь из 88- и 120-мм минометов и самоходных орудий.» Рота *C* поддерживала атакующих огнем. Саломон так описал первые минуты атаки: «Командир роты рявкнул *Go!* С криками и воплями, столь громкими, сколь было возможно, рейнджеры рванулись вперед, стреляя время от времени в направлении высоты. Они пробежали так быстро, как могли, через открытое поле шириной примерно в 100 ярдов и были встречены огнем оборонявшихся немцев. Пока они пересекали поле, еще до того, как рейнджеры добрались до подножия

высоты, командир роты и его вестовой были ранены, но те из Роты *D*, кто еще был цел, продолжили атаку вверх по склону.»

Лейтенант Ломелл так описал первые минуты боя, в который вступил его первый взвод: «Взвод пересек полосу полузамерзшего глинистого поля, стреляя время от времени. Мы бежали изо всех сил навстречу огню из стрелкового оружия.» Саломон и Ломелл не знали, что на самом деле подтолкнуло людей к атаке. Вспоминает штаб-сержант Билл Петти (Bill Petty) из Роты *F*: «Пока мы ждали сигнала к атаке, вражеские мины разорвались ярдах в 75 позади нас. Чувствовалось, что нарастает напряжение, потому что стало слышно, как парни ворчат и спрашивают, почему мы не идем в атаку. Мы застряли, потому что ждали, что прекратится наша собственная артподготовка. Мы знали, что вражеские минометы доберутся до нас еще до того, как остановится наш артобстрел, потому что оказались в полосе шириной ярдов в 200 между огневыми валами. Новый офицер приказал одному из разведчиков идти вперед. Макхью (McHugh) и я крикнули всем солдатам [GI], чтобы они не следовали этому приказу, но рядовой Бушард (Bouchard) поднялся, и, после четырех шагов, его скосило [пулей]. Это выстрел стал детонатором атаки рейнджеров. Я оттаскивал Бушарда назад, когда услышал крик Макхью: «Пойдем разберемся с этими ублюдками!» Размахивая над головой своим автоматом *Томпсон/Thompson*, он рванул через поле. Как один человек, Рота *F*, сверкая штыками и стреляя от бедра, выкрикивая боевые кличи, которые сохранились с незапамятных времен, пошли в атаку навстречу смерти. Я ни разу не видел более славной картины. В этот момент я был горд тем, что я - рейнджер.»

Далеко не все рейнджеры были вдохновлены происходившим. Херман Стайн (Herman Stein), также из Роты *F*, рассуждал более приземленно: «Я думал только об одном. Моя единственная мысль была такова: «Дайте мне, черт возьми, добежать через это поле до перелеска на том краю.»»

В своей книге *Citizen Soldiers* писатель [Стивен Эмброуз](#) (Stepehn Ambrose) сравнил то, как отзывались рейнджеры о бое за мыс Пуэнт-дю-Ок в день высадки в Нормандии и бое за *Высоту 400*: «Те, кто был у мыса Пуэнт-дю-Ок ... вспоминают *Высоту 400* как нечто похуже. Склон ее был не столь обрывистым, но тут были скальные выходы сланцев, обмерзшие и присыпанные снегом, а у них [рейнджеров] не было альпинистских кошек и веревок. Приходилось карабкаться на всех четырех...»

Бад Потратц (Bud Potratz) из Роты *D* также принял участие в атаке вверх по склону. Он вспоминал: «Рота *F* (Фокс) шла впереди, за ней следовали 1-е и 2-е отделения 1-го Взвода Роты *D* (Dog). Мы залегли в дорожной выемке и открыли ружейную стрельбу по двум сгоревшим зданиям, расположенным вдоль оси атаки Роты *D*. Рядом с нами падали мины, осколки попадали в наших парней там и тут. Капитан Отто Масни (Otto Masney), командир Роты *F*, отдал приказ примкнуть штыки, и тут, неожиданно, Майк Шарик (Mike Sharik) поднялся и прокричал: «А ну, давайте, мерзкие ублюдки!», и мы рванулись вперед. Помню стрельбу от бедра и вопли *Hi-Ho Silver!*, когда мы бежали через открытое поле по направлению к подножию холма (*Вероятно, клич Hi-Ho Silver! [или что-то близкое к этому] впервые прозвучал в 1933 году в радиошоу, персонажем которого являлся, техасский рейнджер, боровшийся против бандитов. Этим кличем рейнджер посылал своего жеребца по кличке Silver в галоп – ВК*).

Саломон видел, как Рота *F* продвигалась вверх по склону в направлении немецких укреплений: «Вражеский пулемет, расположенный слева, ранил и убил нескольких рейнджеров из Роты *F*, пока они бежали через открытое поле. Остальные продолжали бежать вперед, некоторые быстрее, чем остальные. Все стреляли, взбегая в направлении вершины... Некоторые из немцев, находившихся в нижней части склона, или побежали, стараясь оторваться от атакующих, или встали и сдались в плен.»

Американцы осматривают брошенное немцами пулеметное гнездо где-то в Хюртгенвальде...

Херман Стайн так описал поведение немцев: «Половина *краутов* (*kraut* – распространенная среди американцев кличка немцев – от вошедшего в английский язык слова *sauerkraut* – кислая капуста – ВК) побежала, половина сдалась. Думаю, если вы увидите, что 120 человек ведут себя как бегущая на тебя толпа индейцев, то подумаете, что у этих парней съехала крыша! Ну а мы, словно сумасшедшие, выкрикивали повстанческие кличи.»

Рядовой Уильям Эндерсон (William Anderson), обстрелянный рейнджер, пониженный в звании от сержанта до рядового за нарушения дисциплины, сержант Петти и рядовой 1-го класса Клойс Мэннинг (Cloise Manning) были первыми, кто добрался до вершины *Высоты 400*. Они увидели на вершине вражеский блиндаж со стальной дверью. Петти выпустил в амбразуру полный магазин своего ручного пулемета (*Browning Automatic Rifle - BAR*). Эндерсон закинул в амбразуру пару гранат, и сразу вслед за этим рядом разорвался вражеский снаряд, сразивший американца... Затем на вершину поднялся капитан Масни с другими солдатами. Как рассказывал Ломелл, группа солдат под командованием сержанта Кёнига (Koenig) отогнала немцев дальше вниз по склону почти до реки Рур, после чего вернулась на вершину холма. К 08.30 рейнджеры закрепились на высоте, захватив 28 пленных.

Немцы начинают артобстрел

Рейнджеры понимали, что за этим последует контратака немцев. Нужно было подготовиться к этому и занять соответствующие позиции. Солдаты из рот *D* и *F* быстро обнаружили, что вырыть стрелковую ячейку в скальном грунте крайне непросто.

Обе стороны осознавали тактическую важность *Высоты 400*. Немцы бросили в контратаку ударный 6-й Воздушно-Десантный Полк. Согласно изученным позднее немецким документам, фельдмаршал Вальтер Модель обещал *Железные Кресты* и двухнедельный отпуск тем, кто вернет высоту... Немецкая артиллерия засыпала высоту снарядами. Американцам не удалось окопаться, но кое-каким укрытием для них стали немецкие блиндажи. Потрац вспоминал: «Снаряды прилетали с трех сторон. Мы слышали, как наши

парни пытаются окопаться, слышали крики гибнущих. Дым выедал наши глаза и ноздри. Это было ужасно, и доносившиеся голоса раненых рвали наши сердца.»

Немецкие минометчики ведут огонь по позициям американцев где-то в Хюртгенвальде...

Артобстрел наносил потери, но не только людские. В своей книге *Closing with the Enemy* историк Майкл Даблер (Michael Doubler) писал о его психологическом воздействии: «Один из новичков 2-го Батальона увидел, что меньше чем в трех футах от него его товарищу полностью оторвало голову. Он потерял дар речи, не мог вспомнить свое имя и не узнавал никого вокруг. Рейнджеры отправили его в тыл с вершины холма. Парень, в итоге, оказался в психиатрической лечебнице.»

У рейнджеров не хватало сил, чтобы удерживать одновременно всю линию обороны. Ломеллу было необходимо определить, где немцы концентрируют силы для контратаки. Он отправил вперед, вниз по склону, несколько разведывательных патрулей по два человека в каждом, чтобы выяснить это. Получив нужную информацию, он сумел собрать свои небольшие по численности силы в нужных местах. В результате американцам удастся отстоять высоту...

Штаб-сержант Петти, под командой которого оказались остатки Роты *F*, занялся подготовкой к обороне собственно вершины холма. Херман Стайн взял с собой 1-й и 2-й взводы и закрепился у подножия холма ближе к реке: «Я уверен в том, что эти 6-8 парней стали важнейшим фактором того, что позиции Роты *F* не были смяты,» - позднее говорил Петти. И он был прав: немцы в тот день были вынуждены сфокусировать все свои усилия на том, чтобы сбить эту роту с вершины и отбить расположенный на ней блиндаж.

Немцы и американцы – численное превосходство 10 к 1

Первая из пяти немецких контратак, которые будут иметь место в течение двух следующих дней, началась в 09.30. В каждой из атак противника участвовало от 100 до 150 солдат. В большинстве из атак немцы наступали с юга и с востока, где к подножию холма примыкали залесенные участки. Майор Уильямс позднее писал, что в одной из контратак рейнджеры увидели немцев уже на вершине, и это окончилось рукопашным боем с применением штыков. Петти был ранен и в первую ночь отправлен в тыл. Рейнджеры держались, при этом немецкая артиллерия не давала им продыху.

Немецкие солдаты продвигаются в направлении позиций американцев где-то в Хюртгенвальде...

К полудню в двух ротах рейнджеров оставалось всего 32 человека. Рота *D* потеряла своего командира капитана Масни: он попал в плен. Ломелл оказался единственным офицером роты, оставшимся в строю. Он был ранен – ему почти оторвало указательный палец на левой руке, его уши кровоточили из-за сильной контузии, вызванной близким разрывом снаряда.

У генерала Уивера не было лишних солдат, чтобы сменить рейнджеров, однако закрепившиеся на вершине холма американцы отбивали одну атаку противника за другой. В середине второй половины дня немцы снова пошли в атаку силами примерно 150 человек. Эта атака принесла американцам новые потери. Ломелл вспоминал: «Мы уступали в численности на уровне 10 к 1. У нас не было укрытий, на нас сыпались тонны осколков, в нашу сторону летели сотни пуль.»

В бой вступает артиллерия американцев

Был момент, когда казалось, что усилия немцев принесут им желаемый результат, но единственный рейнджер изменил все. Вот что вспоминал Ломелл:

Мой взводный сержант Эд Секор (Ed Secor), очень спокойный парень, оставшись без боеприпасов и оружия, отобрал два автомата у раненых немцев и в отчаянии атаковал большой патруль противника, стреляя по врагу и что-то выкрикивая. Немногие из его остававшихся [в строю] товарищей поспешили ему на помощь, и все вместе они отогнали немцев с вершины вниз по склону.

К 16.00 на *Высоте 400* осталось всего 25 рейнджеров. «Мы отбили еще одну контратаку, но, если бы немцы знали, сколько нас было..., они бы продолжили свои атаки,» - вспоминал Ломелл. Казалось, в штабе рейнджеров в Бергштайне, почувствовали, что остававшиеся в живых солдаты на *Высоте 400* находятся в отчаянной ситуации. Майор Уильямс отправил генералу Уиверу несколько посланий с просьбами прислать подкрепления, но резервов у генерала не было. Уильямс собрал отряд из 10 человек из состава Роты *E* в Бергштайне и отправил его на *Высоту 400*. Этот отряд поднялся на вершину вовремя, как раз тогда, когда началась уже третья атака немцев, на этот раз силами двух рот.

Солдаты 18-го Дивизиона Полевой Артиллерии (5-й Корпус) перезаряжают свои ракетные установки. Хюртгенвальд, ноябрь 1944 года

Артиллерия стала ключевым инструментом в отражении третьей атаки немцев. Если точнее, главную роль сыграл артиллерийский наблюдатель-корректировщик, 1-й лейтенант Ховард Кеттлхат (Howard K. Kettlehut) из 56-го Дивизиона Полевой Артиллерии. Находясь на *Высоте 400*, он точно навел огонь на подбирающихся к вершине с трех сторон немцев. «Был момент, когда Кеттлхат навел на немцев огонь всей артиллерии корпуса – огонь 18 дивизионов: 155-мм и 240-мм гаубицы, 75-мм пушки, самоходки, восьмидюймовки, все они создали стену огня вокруг высоты,» - вспоминал один из наблюдателей. Корректировщик направлял огонь так, что немцы не только не могли подойти к вершине, но и были лишены возможности перебрасывать атакующим полкрепления. Эта контратака, как и следующая, случившаяся в 15.00, была успешно отбита.

На фабрике смерти

Эвакуация раненых во время боев была трудным делом. Находившийся в блиндаже перевязочный пункт вмещал не больше 20 человек. Когда наступила темнота, солдаты, подносящие боеприпасы обороняющимся, сначала взбирались вверх по заснеженному и обмерзшему склону, а обратно уносили раненых. Санитар Джон Уортмэн (John Worthman) вспоминал, как трудно было перемещать раненых: «Большинство раненых приходилось спускать вниз на носилках. Тащить носилки нелегко и по ровной земле, а вниз по скользкому склону – сущее наказание.»

Джипы, оборудованные для перевозки раненых, ждали у подножия холма. Почти все джипы, имевшиеся в батальоне, использовались для эвакуации. Батальонный врач, капитан Уолтер Блок (Walter E. Block), учил своих санитаров пренебрегать опасностью, если нужно было выручить рейнджера. Блок был убит, оказывая помощь раненым и руководя эвакуацией – снаряд разорвался прямо на крыше перевязочного пункта.

Немецкая артиллерия обстреливала рейнджеров всю ночь. Стайн позднее рассказывал: «Мы спали всю ночь... шел мелкий дождик. В то время в Роте F осталось 6 человек. Один из них был уже из подкреплений – Джулиан Хэнахан (Julian Hanahan), который дрался словно ветеран.»

Ломелл позднее так описывал первый день на *Высоте 400*: «Это была фабрика смерти. Так или иначе, но тебя выбивало. Замерзаешь до смерти, заболеваешь, или тебя разносит в клочья. 6 июня 1944 года (*день высадки в Нормандии – ВК*) не было моим самым долгим

днем (так часто называют D-Day вслед за названием знаменитого фильма об этом событии – [Самый Длинный День/The Longest Day](#) (1962). В фильме эти слова принадлежат [Роммелю](#) - ВК). 7 декабря 1944 года стало моим самым долгим и самым жутким днем на земле за мои истекшие 75 лет.»

Убитые в Хюртгенвальде немцы. Подростки и пожилые люди, ранее считавшиеся негодными к армейской службе, теперь часто преобладали в составе народно-гренадерских частей Вермахта...

Последние контратаки

8 декабря, сразу после рассвета, из Роты *E* сообщили, что началась очередная контратака, - на этот раз с севера, со стороны городка Обермаубах/Obermaubach. Немецкий 6-й Воздушно-Десантный Полк атаковал *Высоту 400* под прикрытием артиллерии. В 08.08 американцы вызвали огонь уже начавшей обстрел артиллерии на участок ведущей к высоте с севера дороги. Огонь оказался эффективным, и немцы были вынуждены отойти. Кеттлхат и артиллеристы снова справились со своими задачами.

Капитан Арнолд вспоминал последовавшую дневную атаку 8 декабря как наиболее опасную: «Самая массированная атака в ходе всех боев случилась в 15.00 8 декабря. 100-150 человек, поддержанные огнем 88-миллиметровок, самоходок, минометов и полевой артиллерии атаковали нас со всех сторон. Пятеро из них [немецких солдат] подобрались на расстояние в 100 ярдов от церкви, которую мы использовали как перевязочный пункт. Артиллерия обрушилась на церковь: один снаряд влетел в окно и вылетел с другой стороны... Эта атака продолжалась 2 или 3 часа и была отбита огнем [нашей] артиллерии.»

Ночью немцы попытались просочиться через позиции рейнджеров к бункеру. Американцы обстреляли небольшие группы немцев из стрелкового оружия и забросали их гранатами. Очередной 20-минутный артобстрел отогнал немцев от вершины в пятый и последний раз. Все немецкие атаки пришлись на позиции рот *D*, *E* и *F* и стоили больших потерь обеим сторонам... Сами немцы, в итоге, прозвали «сказочный» Хюртгенвальд *Зеленым Адом/Grüne Hölle*.

Джипы – рабочие лошади союзных армий – активно использовались для эвакуации раненых в Хюртгенвальде...

Кампания в Хюртгенвальде подходит к концу

К ночи 8 декабря генерал Уивер перегруппировал 13-й Пехотный Полк и получил возможность высвободить один батальон. Пехотинцы, которых подвезли к подножию высоты, в темноте взобрались на вершину *Высоты 400*. Наконец, пришла смена рейнджерам. За 40 часов боев батальон рейнджеров потерял 19 человек убитыми, 4 – пропавшими без вести и 107 ранеными – четвертую часть первоначального состава. Захват *Высоты 400* стал большим тактическим успехом для американцев, но уже через 9 дней немцы отбили высоту у пехотинцев 13-го Полка. В следующий раз американцам удастся захватить ее только в феврале 1945 года...

*Американский солдат ведет наблюдение за занимаемыми немцами высотами напротив *Высоты 400* близ долины реки Рур*

Декабрьские бои в районе *Высоты 400* стали завершающими для сражения за Хюртгенвальд. 2-й Батальон рейнджеров еще раз продемонстрировал свои превосходные боевые качества. Сид Саломон сделал в этой связи такое заключение: «Командование не имело понятия о том, что из себя представляют рейнджеры. Боевая Группа 5-й Танковой Дивизии, 3 000 человек, поддержанных танками, не смогли взять Бургберг. Три роты рейнджеров, всего 200 солдат, захватили и удержали его.»

Стычки на других участках возвышенности Хюртгенвальд не утихали и в январе. Вспоминает лейтенант Гюнтер Шмидт (сектор севернее города Шмидт):

Противник атаковал сектор наших 6-й и 5-й рот 10 января, но атака увязла в минных полях под огнем из всех видов оружия. Через час противник сконцентрировался на ДОТе 12. Наши парни сражались около получаса. До самого последнего момента мы слышали, что там происходит, по телефону. Неожиданно в трубке раздался треск, и все было кончено. Затем противник переместился к ДОТу IG13, и через час его постигла та же судьба...

К полудню противник прекратил атаки из-за тяжелых потерь. Ночью прибыла сменная рота, чтобы вернуть оставленные позиции на рассвете, атаковав со стороны ДОТов P2 и 119. Дважды эти атаки были отбиты с тяжелыми потерями для наших. Затем в бой бросили еще одну резервную часть, которая атаковала в третий раз без артиллерийской поддержки..., и снова это была стоившая дорого неудача. На следующий день американцы снова пошли в атаку и сумели взять ДОТ P2 довольно быстро. ДОТы 372 и 372а продолжали вести огонь.

12 января прибыл еще один батальон подкреплений с сотней человек. Их зимняя одежда была не вполне подходящей. Мы разместили командный пункт нашего батальона в ДОТе 119, где я оставался с командиром. В 9 утра наша артиллерия открыла огонь. После успешного начала наша атака захлебнулась под интенсивным огнем врага. В нескольких местах противник оттеснил нас к нашей стартовой позиции.

Мы понесли тяжелые потери. Люди лежали в снегу, в открытом поле. Им негде было спрятаться от интенсивного минометного огня противника. Вскоре ДОТ 119 был преобразован в перевязочный пункт. В него заносили тяжелораненых – стонущих и рыдающих, и санитары старались помочь им. Когда тяжелораненые умирали, их выносили и вместо их вносили других. К полудню рядом с ДОТом перед входом лежало около 15 трупов...

Судя по всему, в начале февраля оборона немцев развалилась.

Артиллерийский огонь противника усиливался день ото дня по всему фронту. 2 февраля мы получили приказ оставить некоторые из наших оборонительных позиций. Саперам предстояло взорвать или заминировать ДОТы...

Едва мы успели занять новый для нас ДОТ, как пришло первое шокирующее сообщение. По телефону с участка, где располагались наши минометы и полевая артиллерия, нам сообщили что противник в количестве нескольких сотен человек неожиданно атаковал со стороны Зимонскалля/Simonsskall. Бой был коротким – больше сообщений не поступало. Немного позднее пришло сообщение с перевязочного пункта о том, что американцы прорвали нашу оборону без затруднений. Отходим!..

Наши потери в последние несколько дней были настолько тяжелыми, что батальон прекратил свое существование...

Однако, боевой дух немцев был по-прежнему высок. То, что они не собирались сдаваться, явствует из письма, написанного офицером 980-го Полка немцев, сражавшегося в этом секторе фронта в январе 1945 года:

Рота должна продолжать удерживать свои позиции, так сказал ее командир солдатам в предыдущую ночь, переползая от позиции к позиции и подбадривая своих людей. Он сказал, что позиции нужно удерживать любой ценой, и что люди не должны давать ему поблажек. Не так давно полковник Буриан (Burian) также появился у нас ночью, поскольку днем передвигаться было невозможно, и спросил каждого из своих людей, может ли он положиться на них: «Jawohl, Herr Oberst!» - сказал каждый. Затем он раздал сигареты, и каждому досталось, по меньшей мере, по две...

Заключение

На протяжении трех месяцев в боях на возвышенности Хюртгенвальд приняли участие 6 пехотных дивизий, танковая бригада и батальон рейнджеров армии США. Непонимание американским командованием необходимости захвата рурских плотин имело свои последствия. Плотина Урфт была взята под контроль в начале февраля, но только потому, что немцы отступили и ушли за водохранилище Швамменауэль. За неделю необстрелянная 78-я Дивизия американцев, усиленная полком 82-й Воздушно-Десантной Дивизии и, позднее, уже побывавшей в боях 9-й Дивизией, отбила у немцев ранее занятый и потом потерянный сектор фронта – гряды Калль – где все еще были разбросаны по лесам незахороненные тела погибших в осенних боях 1944 года солдат 28-й Дивизии. Затем американцы заняли Коммершайдт и, в итоге, превращенный в руины Шмидт. Последний был взят 8 февраля в ожесточенном бою, где после артобстрела силами 40 дивизионов пришлось зачищать подвал за подвалом. И тут немцы взорвали запоры плотины Швамменауэль, что лишило американцев возможности навести мост через Рур... 15 американских дивизий, которые могли бы осуществить бросок на Берлин, застряли на западном берегу Рура еще на две недели.

Из 120 000 солдат и офицеров армии США, принявших участие в сражении, 33 000 перешли в разряд убитых и раненых. Сражение в Хюртгенвальде историк Карло Д'Эсти (Carlo D'Este) назвал «серией боев, проведенных за всю войну на Западе с наименьшим умением.» В захваченном у немцев документе об этих боях говорилось так: «В боях в лесистой местности американцы проявили полнейшую некомпетентность.»

Тяжкие воспоминания о Хюртгенвальде не покидали американских солдат все послевоенные годы. Вот что сказал об этом Стивен Бутко (Stephen Butko): «Я чувствую запах смерти, когда вижу сосну. Когда я вернулся, я ни разу не поставил у себя дома рождественскую елку.» Джон Уайнерт (John R. Weinert): «Мои слова молодым людям: никогда не прославляйте войну... Война травмирует всех, кто в нее вовлечен, и ты несешь это всю оставшуюся жизнь.» Джоу Тимм (Joe Thimm): «У бойца в памяти есть что-то, что сводит его с ума всю оставшуюся жизнь: я уже не тот, кем был, я не паренек 17 или 18 лет, я теперь другой человек.»

Источники

<https://www.historynet.com/the-hurtgen-forest-1944-the-worst-place-of-any.htm>

<https://warfarehistorynetwork.com/2017/05/19/battle-of-hurtgen-forest-army-rangers-vs-fallschirmjagers/>

<https://armyhistory.org/hell-in-the-forest-the-22d-infantry-regiment-in-the-battle-of-hurtgen-forest/>

<https://www.nationalreview.com/2012/12/final-order-patrick-k-odonnell/>

[http://www.dererstezug.com/272ndInAction/272ndInAction\(1\).htm](http://www.dererstezug.com/272ndInAction/272ndInAction(1).htm)

<http://www.aberjonapress.com/catalog/vwbtg/excerpt.html>

<http://home.scarlet.be/~sh446368/quotes.html>

Перевод и компиляция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org